

ПРОШЛОЙ зимой, находясь в Москве, Марина Влади в очередной раз появилась в редакторском кабинете издательства «Прогресс». Готовилось важное событие: шли переговоры о переводе на русский язык ее книги «Владимир, или Прерванный полет». «Книгу мы будем переводить с этой дамой», — представила Марина свою спутницу, на вид — студентку. Свитер, кроссовки, «хвостики» на затылке. Ко всему прочему, «дема» все время молчала, поскольку Марина свободна вела беседу по-русски и в переводе не возникало необходимости. Такая внешность, очевидно, солидным людям особенно доверия не внушила. Но, надо сказать, в издательстве не испугались и заключили договор на перевод книги с Мариной Владимировной Влади (де Полякофф) и Юлией Всеволодовной Абдуловой.

И вот спустя несколько месяцев в «Прогрессе» взяли текст на редакцию с обещанием позвонить Юле через неделю. Звонок раздался на следующее утро: «Книга хорошо читается по-русски, ни одной стилистической правки. Несомненная удача». Уже потом, в разговоре с Мариной Влади, редактор, этот предельно сдержанный на вид человек, признался, что при чтении и у него временами перехватывало горло.

Меня занимает тот же вопрос, и я спрашиваю Юлю: как получилось, что эту книгу стала переводить именно она?

— В начале октября прошлого года Марина привезла в Москву сигнальный экземпляр. А через два дня книга должна была выйти в Париже... Марина предложила мне перевести. Однако решиться на это было очень трудно. Я сказала тогда, что у меня нет опыта литературного перевода и я не хочу получить такую работу «по благу». Она ответила просто: «Ты знаешь, как мы жили. Ты видела, Ты все помнишь. Чужому человеку мне будет сложно объяснить. И еще — ты хорошо знаешь французский...».

«Блат», который имеет в виду Юлия, — это многолетняя дружба ее отца, актера Всеволода Абдулова, с Владимиром Высоцким. Да и сама она не помнит, когда впервые увидела Высоцкого, — он всегда был своим, родным в ее семье... Но Марину Влади не интересовала подобная дипломатия, она была уверена в одном: именно Юля имеет большее право на работу с такой книгой. Она будет «видеть» каждую главу, потому что за словами она разглядит и Маринин характер, и знакомые интонации, жесты, и ее настроение. Кто, если не человек, знающий и чувствующий ее с детства, сможет тонко и тактично пересказать соотечественникам Высоцкого ее любовь и боль, донести до них по-русски те чувства, которые Марина вложила в свою книгу?

А что касается французского — Юля знает его не просто хорошо — профессионально. После окончания института

она много работала — переводила лекции, фильмы, научно-популярные статьи. Художественный перевод оставался мечтой. И вот — дебют. Книга должна выйти в этом году без единой купюры 650-тысячным тиражом с правом переиздания. И все же я не могу удержаться, чтобы не спросить: у нас уже не боятся этой книги? О ней ходили всякие толки, говорили, что советский читатель не примет ее.

— Ну, во-первых, «Прогресс» с самого начала заинтересовался ею. А пугающие слухи поддерживают, по-моему, люди, которые либо не читали ее полностью, либо недостаточно владеют французским.

19 Все, даже горькую правду...

Мож. комсомолец 1988
Владимир

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ РУССКИЙ ПЕРЕВОД КНИГИ МАРИНЫ ВЛАДИ О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

У Марины даже появилась идея написать предисловие к русскому изданию, чтобы пресечь кривотолки. Но потом ее возмутила мысль: почему она должна оправдываться? Перед кем? За что?

— Да, наверное, такая книга действительно не нуждается в предисловии. Она скажет сама за себя. Но Марина все-таки добавила несколько строчек в начале...

— Это — посвящение друзьям, тем, кто любил Володю, его песни. Марина и писала для таких людей. А другу можно рассказать о себе все, даже самую горькую правду, и он поймет. А остальные... Эта книга не для них. Хоть есть среди поклонников Высоцкого и такие, кто огорчится с недоверием к Марине. Прочтя, они непременно увидят, что двенадцатилетний союз Высоцкого и Влади не был «капризом богатой актрисы». В этой книге Марина пишет с любовью о Володе и с горькой иронией — о себе. Она ни из чего не делает тайны, говорит обо всем прямо и просто, но не опускается при этом до фамильярности с читателем. Она говорит, обращаясь к Володе: «ты помнишь», вся книга как прямое к нему обращение. Такая форма не допускает фальши. Восемь лет работы, исписанные фломастером листочки, как отпечатки с души, круглыми размашистыми почерком... Рукопись была для нее самой большой ценностью в доме. Она вдруг стала бояться пожаров и воров... Иногда часами не приходили нужные слова. Но все же ей удалось их отыскать. И как ревниво следила она потом за точностью русского перевода!

— Но ведь известно, что подстрочник — это еще не перевод. Как тебе удалось добиться точности? Как вообще шла работа над переводом?

— Марина мне очень помогала. Работали со слуха, потому что ей тяжело читать кириллицу. Переводить пришлось, конечно, не слова, а сцены, картины, ощущения. И там, где по-французски, например, было достаточно сказать: «Я расстроилась» или «он обрадовался», по-русски нужно было описывать действие: «я всплеснула руками», «он вскочил». Иногда надо было оборвать предложение, чтобы читатель ощутил ситуацию сам. Особенно трудно мне приходилось в тех

венности и торопятся помешать ее изданию. Конечно, она нестандартна по форме изложения, написана непривычно, «нараспашку». Но я все думаю: ведь нельзя забывать, что Марина Влади была самым близким для Высоцкого человеком, которого он принимал таким, как есть, и которому полностью верил. Так почему мы-то не должны доверять Марине, когда она говорит о своем муже? Да, она сможет спутать ВГИК и школу-студию МХАТ, где-то позабыть точную дату — ее архивом была собственная память. Не так важны для нее эти детали. Но многие из тех, кто читал оригинал, были поражены: как она, французженка, воспитанная в дворянских традициях, смогла так увидеть изнутри и понять нашу жизнь?

Французам повезло больше, к ним книга пришла раньше. И я интересуюсь у Юли: как была принята книга там?

— После ее выхода в издательстве «Файяр» в Париже — а впоследствии было еще два зарубежных издания — Марина стала получать ежедневно пачки писем от самых разных людей — ученых, домохозяек, жителей горных поселков. Их первой реакцией было потрясение. Почти никто из них не знал, кто такой Высоцкий. И они читали «Владимир, или Прерванный полет» просто как роман о мужчине и женщине, роман о любви. Марина писала о главном в жизни человека, о том, что объединяет всех нас, в каком бы уголке земного шара мы ни родились. Авторы писем восклицали: «Мы хотим поехать в Россию, мы хотим увидеть эту страну, ее людей!».

— Итак, ты решила переводить. Теработа закончена. С каким чувством ты, хорошо знавшая Высоцкого, прожила эти месяцы?

— Одно дело — обрывки моих воспоминаний, всплывающие в памяти образы, а другое дело — видеть слова на листе, проговаривать их про себя. Горше слов ничего нет... Я вспомнила вечера дома, когда Володя пел, его невероятные истории-монологи, рассказанные от имени смешного вымышленного персонажа, который, уморительно шепелявя и пришептывая, так выворачивал наизнанку любые события, что самая напряженная ситуация разряжалась дружным хохотом присутствующих. Вспоминаю Гамлета... Горе не отпускает и, я знаю, не отпустит. Это был самый живой человек из всех, кого я встречала... Но все-таки это светлая книга. Высоцкий не был мучеником, каким его иногда хотят представить, он был счастливым человеком, его короткой жизни хватило бы на несколько. Это Марина и стремилась показать. Книга — не мемуары о знаменитости. Любопытство должно отойти на второй план. И тогда покажется, что прожил все двенадцать лет с Мариной и Володей, близкими и дорогими людьми:

Мария РУСИНА.